
18+
ПРАВИЛА НЕ В СЧЁТ
НЕ ЦЕЛУЙ ЛУЧШЕГО ДРУГА
КСЕНИЯ ЛАВОН

Ксения Лавон

Правила не в счёт.
Не целуй лучшего друга

«Издательские решения»

Лавон К.

Правила не в счёт. Не целуй лучшего друга / К. Лавон — «Издательские решения»,

Полина и Даня дружат двадцать лет и поклялись не влюбляться друг в друга. Но одна бессонная ночь в кондитерской, один поцелуй в подсобке — и правило трещит по швам. Теперь им предстоит решить: рискнуть дружбой ради любви или сделать вид, что ничего не было.

© Лавон К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. «Правило, которое я не помню» 6
Глава 1. «Двадцать лет, три месяца и один вечер» 7
Глава 2. «Суббота, которую я помню слишком хорошо» 9
Глава 3. «Утро после, или Как испортить дружбу за один завтрак» 11
Глава 4. «Неделя честности» 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Правила не в счёт. Не целуй лучшего друга

Ксения Лавон

© Ксения Лавон, 2026

ISBN 978-5-0071-6460-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. «Правило, которое я не помню»

Бывает так: просыпаешься утром — и не помнишь, как оказался в этой постели. Не в смысле «чья это квартира», а в смысле «почему я целуюсь с человеком, которого знаю двадцать лет». Вот это со мной и случилось. В субботу, в семь утра, в моей собственной спальне, на моей собственной подушке. И самое страшное — я не хотела останавливаться.

Меня зовут Полина Верещагина, мне двадцать восемь, и я только что поцеловала своего лучшего друга. Того самого, с которым мы вместе ели песок в детском саду, сдавали экзамены, переживали первые разводы родителей, поступали в универ, открывали бизнес. Того, кого я знаю дольше, чем себя. Того, кого я поклялась никогда не целовать.

Правило второе. Нарушено.

Но давайте по порядку. Потому что, если вы думаете, что это была случайность, — вы ошибаетесь. Это было преступление. С отягчающими. И я собираюсь рассказать всё.

Глава 1. «Двадцать лет, три месяца и один вечер»

Меня зовут Полина Андреевна Верещагина. Двадцать восемь лет. Владелица кондитерской «Полли» на Патриарших прудах — маленькой, уютной, с розовыми стенами, винтажными витринами и запахом ванили и корицы, который не выветривается даже по ночам. У меня тёмные волосы, которые я обычно собираю в небрежный пучок, потому что в кондитерской некогда укладывать; серо-голубые глаза, которые одни называют «цвета грозового неба», а другие — «цвета мокрого асфальта»; и фигура, которую я не скрываю, но и не выставляю напоказ: средний рост, мягкие линии, которые я научилась любить после двадцати пяти. Я ношу фартуки, джинсы и удобную обувь. Каблуки — только на встречи с поставщиками, чтобы выглядеть солидно.

И есть Даниил Ветлицкий. Даня. Мой лучший друг.

Ему тридцать. Он архитектор — владелец бюро «Ветлицкий и партнёры», которое он открыл пять лет назад, когда мы оба ещё были зелёными и наивными. Высокий — метр восемьдесят восемь, — с тёмными волосами, которые он стрижёт коротко и которые всё равно отрастают слишком быстро; с глазами цвета крепкого чёрного чая — тёмно-карими, почти чёрными, — и с той самой улыбкой, от которой у меня в животе что-то переворачивается с тех пор, как мне было шестнадцать. Он носит рубашки с закатанными рукавами, джинсы и часы на кожаном ремешке — старые, подарок отца. У него щетина, которую он не сбривает до конца, потому что «это часть образа». И у него есть правило. То самое, которое мы придумали в шестнадцать лет на лавочке во дворе: «Никогда не влюбляться друг в друга. Никогда не целоваться. Никогда не портить дружбу».

Мы сдержали его на двенадцать лет. Ровно до прошлой субботы.

Началось всё не в субботу. Началось за три месяца до.

В феврале я открыла кондитерскую. Не просто кондитерскую — «Полли», место, которое я вынашивала пять лет, пока работала менеджером в ресторанном холдинге и откладывала каждую копейку. Помещение на Патриарших, маленькое, с окнами на бульвар, с видом на пруд, с чугунной лестницей и высокими потолками. Я вложила в него всё: сбережения, кредит, помощь родителей (которые не одобряли, но дали), и, конечно, Даню. Даня помогал с ремонтом. Даня нашёл дизайнера. Даня уговорил своего знакомого — повара-кондитера из Франции — приехать на месяц и научить меня делать эклеры, которые не стыдно подать в Париже. Даня был рядом, когда я плакала в подсобке после первого провального дня, когда я смеялась после первого прибыльного, когда я сомневалась, когда я верила.

Даня всегда был рядом. С тех пор, как нам было по шесть. Мы жили в одном дворе на Соколе — в старом доме с лепниной, где лифт не работал, а соседи знали всех по именам. Наши матери дружили. Наши отцы ушли — его раньше, мой позже, — и мы оба выросли с ощущением, что мир может рухнуть в любую минуту, но есть кто-то, кто держит за руку. Этим кем-то были мы друг для друга.

Мы вместе ходили в школу. Вместе прогуливали уроки. Вместе сдавали экзамены. Вместе поступали — он на архитектурный, я на экономический, но в одном вузе. Вместе переживали первые разочарования в любви: он — когда его первая девушка ушла к его же другу; я — когда мой первый парень сказал, что я «слишком много работаю». Вместе открывали бизнес: он — бюро, я — кондитерскую. Вместе праздновали победы и переживали поражения.

И вместе придумали правило. В шестнадцать, на лавочке, после того как я влюбилась в него впервые — и он об этом не узнал. Я тогда сказала: «Даня, давай никогда не будем влюбляться друг в друга. Это всё испортит». Он согласился. Мы скрепили это рукопожатием и

пошли есть мороженое. И двенадцать лет я держала это правило. Двенадцать лет я смотрела на него и говорила себе: «Он друг. Просто друг. Он тот, кто всегда рядом. Не порти это».

А потом всё сломалось. В одну субботу. В семь утра. На моей подушке.

Глава 2. «Суббота, которую я помню слишком хорошо»

Пятница началась с аврала. В «Полли» сломался холодильник — тот самый, который я купила в кредит и который должен был проработать лет десять, а проработал три месяца. Я стояла в подсобке, смотрела на лужи молока, стекающие по полу, и пыталась не плакать. Заказ на свадьбу — сто двадцать эклеров, шесть тортов, макаруны — был на утро субботы. Без холодильника я не могла ничего сделать.

Я позвонила Дане. Он ответил на третьем гудке.

— Полли? Что случилось?

— Холодильник. Сдох. Всё сдохло. Я не успею.

— Дыши. Я приеду через двадцать минут. Не паникуй.

Он приехал через пятнадцать. В джинсах и старой футболке, с инструментами в багажнике — он всегда возил с собой инструменты, потому что «архитектор должен уметь всё». Он возился с холодильником два часа. Я стояла рядом, подавала отвёртки и чувствовала, как паника отступает. Он не злился. Не вздыхал. Не говорил «я же говорил, надо было брать другой». Он просто делал.

— Компрессор, — сказал он наконец, вытирая руки о тряпку. — Меняем. Я знаю одного парня, он может привезти завтра утром. Но тебе придётся всё делать ночью.

— Ночью? У меня заказ на утро.

— Я помогу. — Он посмотрел на меня. — Ты не одна, Полли. Мы справимся.

Мы справились. До полуночи я делала тесто, он мыл формы. До трёх утра я пекла эклеры, он собирал коробки. В четыре мы сделали перерыв — сели на пол в подсобке, ели пиццу, которую заказали в доставке, и пили вино из пластиковых стаканчиков.

— Ты когда-нибудь думала, что мы будем делать это в тридцать? — спросил он.

— Что? Печь эклеры ночью?

— Быть вместе. Вот так. В подсобке. С пиццей.

Я посмотрела на него. В свете лампы его лицо казалось мягче, чем обычно. Щетина, усталые глаза, улыбка.

— Я думала, что мы всегда будем вместе, — сказала я. — В каком-то смысле.

— В каком?

— В смысле… друзьями. Лучшими.

Он помолчал. Потом сказал:

— А если бы не друзьями?

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. — Он отвернулся. — Забудь. Устал. Глупости.

Мы закончили в пять утра. Я едва стояла на ногах. Он тоже. Заказ был готов — сто двадцать эклеров, шесть тортов, макаруны. Я посмотрела на стол, заставленный коробками, и почувствовала, как слёзы подступают к глазам.

— Мы сделали это, — сказала я.

— Мы сделали это, — согласился он.

Я обняла его. Просто обняла — крепко, благодарно, как обнимала сотни раз. Но в этот раз что-то было иначе. Его руки на моей спине были теплее. Его дыхание в моих волосах — ближе. Я подняла голову, чтобы сказать что-то, и встретилась с его взглядом. И в этот момент всё замерло.

Он поцеловал меня. Или я его. Я до сих пор не знаю. Это было медленно, неуверенно, будто мы оба спрашивали разрешения. Его губы были мягкими, тёплыми, и они пахли вином и

пиццей. Я ответила — потому что не могла не ответить. Потому что двенадцать лет я говорила себе «нет», а тут вдруг сказала «да». Потому что это был он. Даня. Мой лучший друг.

Мы отстранились одновременно. Смотрели друг на друга. В подсобке было тихо — только гудел холодильник, который мы только что починили.

— Полли, — сказал он хрипло. — Я…

— Не надо, — перебила я. — Не надо ничего говорить. Давай просто… забудем.

— Забудем?

— Да. Это была ошибка. Мы устали. Мы не соображали. Давай забудем.

Он смотрел на меня долго. Потом кивнул.

— Хорошо. Забудем.

Мы не забыли. Через два часа, когда он помогал мне грузить коробки в машину, мы снова поцеловались. Уже не неуверенно. Уже не спрашивая разрешения. Уже зная, что это неправильно, и делая это всё равно. Потом он отвёз меня домой. Потом остался. Потом мы оказались в моей постели, и я уже не помнила ни про какое правило.

Утром я проснулась первой. Он спал рядом — растрёпанный, с рукой, перекинутой через мою талию, с лицом, которое я знала двадцать лет, но которое вдруг стало другим. Я смотрела на него и думала: «Что мы наделали?» И тут же: «Почему я не хочу, чтобы это заканчивалось?»

Он открыл глаза. Посмотрел на меня. Улыбнулся — медленно, тепло, так, как не улыбался мне никогда.

— Доброе утро, Полли.

— Доброе, — сказала я.

И в этот момент я поняла: правило нарушено. И назад дороги нет.

Глава 3. «Утро после, или Как испортить дружбу за один завтрак»

Я лежала неподвижно, боясь пошевелиться. Даня дышал ровно, его рука всё ещё лежала на моей талии — тяжёлая, тёплая, слишком знакомая и слишком новая одновременно. Я смотрела в потолок своей спальни — тот самый потолок, который я сама красила в цвет «утреннего тумана» прошлой осенью, стоя на стремянке в резиновых перчатках, — и пыталась собрать мысли в кучу. Мысли не собирались. Они разбегались, как тараканы от света.

Что я помню? Помню, как он целовал меня в подсобке. Помню, как мы грузили коробки в машину, и он прижимал меня к борту «газели», и его руки были под моей курткой, и я думала только о том, чтобы никто нас не увидел. Помню, как он вёл машину одной рукой, а второй держал мою ладонь, и как мы молчали всю дорогу до моего дома, потому что говорить было не нужно. Помню, как он поднимался по лестнице за мной — на четвёртый этаж, без лифта, в старом доме на Патриарших, где я снимала квартиру с высокими потолками и скрипучими половицами. Помню, как я открывала дверь, и руки дрожали так, что ключ не попадал в замок. Помню, как он забрал у меня ключ, открыл сам, и мы вошли, и он закрыл дверь, и мы стояли в тёмной прихожей, и я чувствовала его дыхание на своих волосах.

А потом — провал. Не потому, что я не помню. Потому что помню слишком хорошо. И это пугает.

Даня пошевелился. Я замерла. Он притянул меня ближе — рефлекторно, во сне, — и уткнулся носом в мои волосы. Я почувствовала, как его дыхание согревает мне шею, и по спине пробежал холодок. Или тепло. Я уже не понимала.

— Полли, — пробормотал он хрипло. — Ты не спишь.

— Сплю, — сказала я.

— Врёшь.

— Вру.

Он усмехнулся. Я почувствовала, как его губы растягиваются в улыбке у моей кожи. Это было слишком интимно. Это было слишком… правильно.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

— Нам нужно забыть.

— Ты уже говорила это ночью. — Он приподнялся на локте, и теперь я видела его лицо: заспанное, с припухшими глазами, с щетиной, которая за ночь стала ещё заметнее. Волосы торчали в разные стороны — тёмные, густые, слишком знакомые. Он смотрел на меня внимательно, как будто пытался прочитать. — Полли. Я не могу забыть. И ты не можешь.

— Могу.

— Тогда почему ты лежишь здесь, а не выгнала меня?

Я открыла рот. Закрыла. Он был прав. Я не выгнала его. Я лежала рядом, в своей постели, в своей футболке, которая была ему мала, и позволяла ему обнимать меня. Я — Полина Верещагина, женщина, которая всегда всё контролировала. Которая составляла списки, планы, графики. Которая знала, что будет делать завтра, через месяц, через год. И вот я лежала здесь, не зная, что будет через минуту.

— Я не знаю, что делать, — сказала я честно.

— Я тоже. — Он помолчал. — Но я знаю, что не хочу уходить.

— Даня…

— Я знаю, что мы говорили. В шестнадцать лет. На лавочке. «Никогда не влюбляться». Я помню. Я двенадцать лет это помнил. Каждый раз, когда ты смеялась, и у меня что-то переворачивалось внутри, я говорил себе: «Она друг. Не смей». Каждый раз, когда ты плакала, и я

хотел обнять тебя крепче, чем друга, я говорил себе: «Не смей». Каждый раз, когда ты встречалась с каким-то идиотом, и я хотел его убить, я говорил себе: «Не смей». Я двенадцать лет говорил себе «не смей». И вот я здесь. В твоей постели. И я больше не хочу говорить себе «не смей».

Я смотрела на него. Сердце колотилось где-то в горле. Я знала, что он говорит правду. Я всегда знала. Я видела, как он смотрел на меня — на выпускном, когда я танцевала с другим; на моей свадьбе с первым мужем (которая продлилась восемь месяцев и закончилась ничем); когда я открывала «Полли» и плакала от страха. Он всегда смотрел на меня так, будто я была чем-то большим, чем друг. А я делала вид, что не замечаю.

— Мы всё испортим, — сказала я тихо. — Если попробуем. Мы потеряем друг друга.

— А если не попробуем? — Он сел. Одеяло сползло, обнажив его плечи — широкие, с родинкой на левой лопатке. Я знала эту родинку с детства. Знала, как она выглядит, как он её чешет, когда нервничает. — Если мы сделаем вид, что ничего не было, и продолжим дружить, — ты думаешь, мы сможем? Ты сможешь смотреть на меня и не вспоминать? Я — нет.

— Тогда что ты предлагаешь?

Он помолчал. Потом сказал:

— Давай попробуем. Не сразу. Медленно. Но по-настоящему. Не как друзья. Как… — он запнулся, — как люди, которые хотят быть вместе.

— А если не получится?

— Тогда мы будем взрослыми людьми. Расстанемся. И, может быть, когда-нибудь сможем снова дружить. Но я не хочу начинать с «если не получится». Я хочу начать с «давай попробуем».

Я смотрела на него. На его лицо, которое я знала двадцать лет. На его глаза, которые смотрели на меня с той самой теплотой, которую я так долго игнорировала. И я поняла, что не могу сказать «нет». Не потому, что боюсь его обидеть. А потому, что не хочу.

— Хорошо, — сказала я. — Давай попробуем. Но с одним условием.

— Каким?

— Мы никому не говорим. Пока не поймём, что это серьёзно. Я не хочу, чтобы наши родители, друзья, весь Сокол — все обсуждали нас. Я не хочу, чтобы это стало цирком.

— Согласен. — Он улыбнулся. — И ещё одно условие.

— Какое?

— Ты варишь кофе. Настоящий. Я слышал, у тебя есть турка.

— У меня есть турка.

— Тогда я остаюсь на завтрак.

Завтрак был странным. Мы сидели на моей маленькой кухне — той самой, с розовыми стенами, с полками, на которых стояли банки с мукой и сахаром, с висящими над столом чашками, — и ели омлет, который он приготовил. Даня всегда готовил омлет, когда оставался у меня. Но раньше это было «Даня зашёл после работы, устал, я его накормила». А теперь это было «Даня приготовил завтрак после ночи в моей постели». Разница была огромной, и мы оба её чувствовали.

— Ты сегодня работаешь? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

— Нет. Суббота. У меня выходной. — Он помолчал. — А ты?

— Мне надо в кондитерскую. Заказ забрали, но надо прибраться. И холодильник. Тот парень приедет в десять.

— Я поеду с тобой.

— Даня, тебе не обязательно…

— Я поеду с тобой, — повторил он. — Я не хочу, чтобы ты была там одна. И потом, у меня есть идея насчёт витрины. Ты говорила, что хочешь поменять освещение.

Я улыбнулась. Он всегда так делал. Находил повод быть рядом, даже когда не нужно. Только раньше я думала, что это дружба. Теперь я думала: может, это было что-то другое. Может, я просто не хотела видеть.

В кондитерской мы провели весь день. Даня возился с холодильником — приехал мастер, они о чём-то спорили, потом смеялись, потом пили кофе из моих чашек. Я тем временем отмывала подсобку, раскладывала ингредиенты, проверяла заказы на следующую неделю. Мы работали рядом, как сотни раз до этого, но теперь каждое случайное касание — рука, которая задела мою, когда он передавал коробку, — было как электрический разряд.

— Ты когда-нибудь думала, что мы будем делать это вместе? — спросил он, когда мастер уехал.

— Печь эклеры? Мы уже делали это вместе. Всю ночь.

— Нет. Не эклеры. Быть вместе. Вот так. — Он обвёл рукой кондитерскую. — Я имею в виду… работать рядом. Не как друзья, которые иногда помогают. А как люди, у которых есть общее.

Я замерла с тряпкой в руке.

— У нас есть общее. Двадцать лет дружбы.

— Это не то. — Он подошёл ближе. — Полли. Я хочу, чтобы у нас было общее будущее. Не только прошлое.

Я смотрела на него. В свете витрин — розовых, с гирляндами, которые я повесила на открытие и не сняла, — его лицо казалось мягче. Он был красивым. Я всегда знала, что он красивый, но старалась не думать об этом. Теперь думала.

— Даня, — сказала я. — Мы договорились. Медленно. Помнишь?

— Помню. — Он отступил. — Прости. Я не хочу давить.

— Ты не давишь. Просто… дай мне время. Я привыкла думать о тебе как о друге. Мне нужно привыкнуть думать о тебе по-другому.

Он кивнул.

— Хорошо. Сколько нужно — столько и нужно. Я подожду.

И он ждал. Целую неделю. Он не целовал меня, не прикасался, не говорил ничего такого. Он просто был рядом — как всегда. Но теперь я замечала то, чего не замечала раньше: как он смотрит на меня, когда думает, что я не вижу. Как его рука тянется к моей и останавливается на полпути. Как он говорит «Полли» — с той самой интонацией, которая была в его голосе всю жизнь, но которую я теперь слышала иначе.

Глава 4. «Неделя честности»

Эта неделя была самой странной в моей жизни. Я просыпалась и первым делом думала о нём. Я шла в кондитерскую и ловила себя на том, что улыбаюсь, вспоминая его лицо утром. Я пекла эклеры и представляла, как он их ест — он всегда ел эклеры неправильно, откусывая сначала верхушку, а потом низ, и я всегда ругала его за это. Теперь я думала: «Господи, я влюблена в человека, который неправильно ест эклеры».

И это было самое страшное. Я — Полина Верещагина, которая всегда всё контролировала. Которая составляла списки. Которая знала, что будет делать завтра. — вдруг оказалась в ситуации, которую не могла контролировать. И самое ужасное — мне это нравилось.

Во вторник он зашёл в кондитерскую после работы. Просто зашёл — как делал сотни раз. Сел за столик у окна, заказал капучино и эклер, и мы говорили о всякой ерунде: о его проекте (он делал реконструкцию старого здания на Никитской), о моих поставщиках, о том, что в Патриарших снова перекрыли бульвар. Всё как всегда. Только когда он уходил, он остановился у двери и сказал:

— Полли.

— Да?

— Я хотел сказать, что мне нравится твоя новая витрина. — Он улыбнулся. — И ты. Мне нравишься ты.

И вышел. А я стояла с тряпкой в руке и чувствовала, как краснею, как девчонка.

В среду он позвонил вечером.

— Ты дома?

— Дома.

— Я хочу тебе кое-что показать. Можно я зайду?

— Заходи.

Он пришёл через двадцать минут. В руках — свёрток. В свёртке — книга. Старая, потрёпанная, с пожелтевшими страницами.

— Что это?

— Помнишь, мы в детстве читали «Мастера и Маргариту»? Вместе. По очереди. Ты читала вслух, я слушал.

— Помню. Ты засыпал на третьей странице.

— Неправда. Я слушал. Просто у тебя голос усыпляющий. — Он улыбнулся. — Это первое издание. Не совсем первое, но старое. Я нашёл его в букинистическом на Никитской. Я хочу, чтобы ты её прочитала. Снова. Но на этот раз — мне. Вслух.

Я смотрела на книгу. Потом на него.

— Ты хочешь, чтобы я читала тебе вслух?

— Да. Как в детстве. Только теперь мы взрослые. И я не буду засыпать.

— Почему?

— Потому что теперь я слушаю не только голос. — Он помолчал. — Я слушаю тебя.

Мы сели на диван. Я открыла книгу. Начала читать — сначала неуверенно, потом всё более привычно. Он слушал. Не перебивал. Не отвлекался. Смотрел на меня — внимательно, тепло. Когда я закончила первую главу, он сказал:

— Ты всё ещё читаешь с той же интонацией. Как тогда.

— Это плохо?

— Это идеально.

Он взял меня за руку. Просто взял — нежно, без давления. И я не отняла.

В четверг мы пошли в кино. Не как друзья — как люди на свидании. Он купил билеты на какой-то французский фильм, который я давно хотела посмотреть. Мы сидели в полупустом

зале, ели попкорн из одного ведра, и когда он положил руку на подлокотник между нами, я положила свою сверху. Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него. И мы оба улыбнулись.

После фильма мы шли по Никитскому бульвару. Было холодно, но не слишком. Он держал меня за руку — в кармане своей куртки, чтобы не замёрзла. И говорил:

— Я думал, что знаю о тебе всё. Но я не знал, что ты любишь французские фильмы.

— Ты никогда не спрашивал.

— Я спрашивал. Ты говорила: «Не важно».

— Я говорила так, потому что думала, что тебе не интересно.

Он остановился. Повернул меня к себе.

— Мне интересно. Всё, что связано с тобой, мне интересно. Я просто не знал, что можно спрашивать.

В пятницу случилось то, что случилось. Мы сидели в кондитерской после закрытия — я считала выручку, он листал что-то в телефоне. И вдруг он сказал:

— Полли. Я хочу тебе кое-что сказать. И я хочу, чтобы ты не перебивала.

Я отложила калькулятор.

— Хорошо.

— Я люблю тебя. Не как друга. Я люблю тебя так, как мужчина любит женщину. Я люблю твой смех, твои руки в муке, твоё ворчание, когда я неправильно ем эклеры. Я люблю то, как ты смотришь на меня, когда думаешь, что я не вижу. Я люблю то, что ты рядом. Всегда. Я люблю тебя, Полли. И я не хочу больше притворяться, что это не так.

Я смотрела на него. Сердце колотилось. В горле стоял ком.

— Даня…

— Не надо ничего говорить. Я просто хотел, чтобы ты знала. — Он поднялся. — Я пойду. Поздно.

— Подожди. — Я встала. Подошла к нему. — Я тоже.

Он замер.

— Что?

— Я тоже тебя люблю. Не как друга. Как… — я запнулась, — как женщина любит мужчину. Я люблю твои руки, которые чинят холодильники. Твою улыбку, когда ты неправильно ешь эклеры. Твоё лицо утром. Я люблю тебя, Даня. И я тоже не хочу больше притворяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.